

Глава первая: про чай

Всем давно известно, и всем, кто читает эту книгу, это известно тоже — что вся жизнь чайных дракончиков заключена в чае. Собственно, о ней больше ничего и не нужно знать. Конечно, такие големы, как чайные дракончики, ничем не отличаются от вас лично или иных живых существ — мы так же глубоко чувствуем, так же погружены в дело, которым увлечены, то есть в чай, в прямом и переносном смысле слова. О, и если бы я мог одним только словом или единственным метким предложением дать исчерпывающее описание чаю, я не стал бы рассказывать вам мою историю, но так уж сложилось, что я не могу раскрыть сути чая столь емко.

Да, жизнь чайных дракончиков — это, конечно же, чай, а чай для чайных дракончиков — это сама жизнь, но что есть чай? Что в действительности таит в себе этот напиток? Описывая глубину и яркость сорта, раскрывающего в чашке свой глубокий многоплановый аромат, мы этими же словами переносим на литературный язык весь мир каждого, через чьи руки прошла заварка — в бук-

вальном смысле и в метафоричном: каждого, кто наполнил легкие поднимающимся от карей глади паром и кто небом коснулся этого бархатистого насыщенного настоя. Любая жизнь — это чай. И любой чай — это жизнь, я никогда не уступлю никому в споре на эту тему. Вы, возражая в этом умозрительном противостоянии, возможно, скажете, что можно жить и не вкушая чая, а я отвечу, что можно жить и не вкушая жизни. Только оглянитесь вокруг, и вы увидите огромное число примеров!

Знайте, что быть чайным дракончиком — значит растворить себя в чае. Вся суть нашего существования заключается в безмятежной дреме на дне чайной чашки или заварочного чайника. В это время мы, непрерывно поддерживая в этом восхитительном напитке температуру, сохраняем в нежной неизменности все тонкости цвета и вкуса, равномерно распределяем сладость тающей карамели. В эти великолепные минуты синергии мы без всяких сомнений держим на своих плечах всю громаду цивилизованной культуры. Мы несем ее бремя. Культура города абсолютно и безапелляционно равна культуре потребления чая: где нет чая, там и цивилизации нет, и взяться ей в этом диком краю, очевидно, неоткуда.

Словом, именно неспешное течение жизни, именно полная длящаяся гармония с прекрасным и определяет собирательный портрет хорошего чайного дракончика — голема гордого, степенного и обаятельного в своей благостной высокомерности.

Нехороший чайный дракончик, напротив, нервно топчется на полке с посудой, тревожно бросая взгляд на дверцу серванта и ожидая, что она вот-вот отворится и его позовут. Позовут к работе по назначению: спокойствию и гордости. Спокойствию и гордости.

Я — топтался. Но нет, нет-нет, не потому, что я плохой дракончик. Я отличный, я буквально эталонный чайный дракончик, но в последнее время дела мои шли таким незавидным образом, что, безусловно, будучи преисполненным самоуверенности, я тем не менее нервничал и топтался, увы. Я неустанно перемещался из одного конца полки в другой, петлял по неровной траектории вокруг стопок из блюдец и сложенных одна в другую кругом чашек, оглядывался при каждом шорохе, оказываясь на самом краю настоящей паники, но все потому, что я отличный чайный дракончик. А чайные дракончики не любят переезжать.

Ох, наше призвание — это безмятежность! Это тихая поступь снега за сверкающим в фонарном свете окном, трогательные вечера в музыкальной гостиной, чтение любимой книги в мягком, устланном пледом кресле. Это негромкие философские беседы, это укрытые большой теплой ладонью изящные пальчики тонкой кисти... это шоколад! Обязательно шоколад со специями в помадке из далеких неспящих городов. Карамельные узоры на молочной пенке и рыжий локон, случайно выбившийся из прически и отенивший белоснежные зубы в искренней доброй улыбке... встретившиеся взгляды, кроткое прикосновение, а потом — чай! Ну конечно же, чай.

Напиток, не терпящий спешки и невнимания. Никто не пьет чай во время суматохи переезда! Переезд совершенно исключает всякий чай! Переезд убивает спокойствие!

Я остановился и прислушался: мне показалось, что рука хозяйки зала легла на ручку серванта.

— Вот, так и замрите.

Мне просто показалось. Я опустил голову, стараясь не отдаться непрошеному приливу острых эмоций, и поднял взгляд на коллегу. Тот, прервав дрему на блюдечном пьедестале у подножия закрепленной бульотки, сдержанно, но с должной настойчивостью в голосе повторил для меня:

— Так и замрите. Вы мешаете мне отдыхать.

Я подавил в себе вздох восхищения: его спокойствие перед неумолимыми переменами поражало! Я испытал безмолвную гордость, которую счел за лучшее сразу же выразить:

— Мне повезло работать с вами, — сказал я тихо, замерев, и ведь эти простые фразы — первые слова, какими мы обменялись за все десять лет работы здесь, в кафе «О вновь найденном». Так пусть же они будут именно словами уважения и взаимной гордости. Я осознал, в каком прекрасном коллективе мне удалось провести это время. Пусть нас разлучает жизнь, мой дорогой коллега, но я всегда буду помнить о ваших неоспоримых достоинствах.

— Держите впредь свое мнение при себе, — коротко бросил он, и на этот раз я восхищенный вздох подавить не успел. Впрочем, этот вздох тут же встал у меня в горле комом горечи.

Теперь, когда кафе закроется, я все потеряю. Конечно, я понимал, что со временем все образуется, но как именно — не представлял совершенно. Владельцы кафе, гонимые поднимающейся арендной платой, переезжали в другой город, в этом помещении собирались открыть новое заведение, возможно магазин. Мне, согласно правилам, предлагали назначение и по новому месту открытия «О вновь найденном», и по новому заведению в

помещении бывшего кафе. Я решительно, не предаваясь лишним размышлениям, отверг оба предложения.

Я даже думать не желал о том, как буду трястись две недели в поездах с четырьмя пересадками без надежды на собственную точку душевной опоры. Я знаю, что в поездах пьют чай, и я знаю, что есть талантливые поездные дракончики. Эти безусловные мастера умеют ловить мгновение кроткой покорности судьбе вместе с лучом заходящего солнца, скользящего по закругленному ободку стакана, мерно дребезжащего в своем серебряном доспехе-подстаканнике. Я знаю, что они — великие вдохновители безмятежности, запертой в поэтике вечного движения, но не я, не я!

Я знал с той редкой степенью интуитивной несомненности, что не справлюсь с таким жестоким и далеким путем, что получу травму, что навсегда останусь с грузом непереносимой пустоты внутри. Нет, я не мог, не мог поехать вместе с кафе. Я остался в Золотых Кронах.

Что именно будет открываться в помещении «О вновь найденном», окончательно еще не решили, но мне сказали, что Центр предоставил на рассмотрение дому несколько заявок об открытии «карманных» баров. На собеседованиях меня попробовали убедить в том, что уютное заведение под окнами, где в любое время суток угощают авторским пивом, понравится жителям улицы ничуть не меньше кафе-кондитерской и отсюда никуда не уйдет чай. Но уж во что во что, а в сказки о том, что со сменой формата может остаться неизменной атмосфера я, конечно, не верил. Точнее... тот неуловимый оттенок собственной души дома, та легкая поволока, дымка, та вуаль, что и позволяет нам молча наслаждаться моментом — слышать протяжную светлую нотку нежнос-

ти внутри себя, отдыхать душой... она возможна только при наличии всех составляющих интерьера, меню и персонала, только так. О нет, нет, эта определяющая толика волшебства никак не могла сохраниться со сменой формата.

В чайнях эта мистическая блеска есть неизменно. В кофейнях — почти всегда (существуют исключения, когда напитки в них продают только на ход ноги, в этих мерзких теплосберегающих стаканах). А вот в отношении баров и ресторанов — как знать, тут все зависело от мастера заведения, хозяев зала и чайного мастера. Я же никого из нового заведения по понятным причинам знать не мог и потому не решился согласиться не глядя.

Далеко в будущем я планировал открыть собственное заведение: я много и часто думал о нем, откладывая деньги на аренду, и даже иногда с ленцой просматривал рынок помещений ближе к центру города, но пока мне еще не доставало средств на толковое открытие, а кое-как я делать не собирался. Я...

— Пожалуйста, — процедил сквозь зубы мой коллега, с каждым звуком давая понять, насколько сурово я истязал его своей топотней, снова (совершенно невольно!) поднятой, стоило лишь мне уйти в свои мысли.

Я присмирел. Устыдился безмерно. Прижал гребень, скорбно улегся на холодный металл полки и положил морду на скрещенные лапы. Я хотел в чай. Очень, очень хотел внутрь чая. Но последний напиток «О вновь найденном» уже подало! Двери закрыты навсегда, а чайные и кофейные машины уже наверняка паковались для долгой дороги. Сотрудники уходили на новые назначения и...

До меня донесся звук шагов. Я встрепенулся, и в этот же момент дверцы шкафчика отворились. Хозяйка зала

позвала меня, постучав по полке. (У чайных дракончиков нет literalной части имен, только номенклатурная, поскольку позвать нас, когда мы внутри чая, приложив одни лишь вокальные усилия, почти невозможно. В то время как стук по стенкам сосуда мы воспринимаем прекрасно.)

Итак, меня позвали на назначение.

Я отвернулся к стене. Я не пошел. Я не знал точно почему, но очень отчетливо чувствовал, что все очень плохо. Что мне не понравится новая работа, что я ошибся и следовало соглашаться на бар. Ладно уж — нашел бы я там какую-никакую частичку чарующей неги и толику хрупкого волшебства. Но меня позвали второй раз, и оставаться погруженным в свою печаль представлялось совершенно невежливо.

Тяжело поднявшись на лапы, сокрушаясь от каждого мельчайшего шороха, что производили при соприкосновении друг с другом мои чешуйки-насытители, я горестно поплелся к краю.

Меня звала низенькая, но ладненькая для своих преклонных лет госпожа Гейраанн, мастерица кафе. Она ласково улыбнулась мне и подставила огрубевшие от прожитых лет ладони, чем заставила волну отчаянья у меня внутри взметнуться до предела. Я не стерпел и отвернулся опять.

— Если мне не понравится новое назначение, то я все равно откажусь, — напомнил ей я, — и не думайте, что это «третье — значит, по судьбе» работает. Это просто поговорка, суеверие!

— Так говорят потому, — мягко укорила меня мастерица, улыбнувшись с некоторой долей особенного кокетства, доступного только добрым старушкам в чепцах, — что третье назначение — обязательное, пока тебе не под-

берут место работы по вкусу. Ты же умрешь без чая, мой дружок. Третье — по судьбе.

— Я не соглашусь на эту работу, нет, — обратил я к ней вопль отчаянья своей драконьей души. — Все неправильно, следовало мне ехать с вами куда глаза глядят или оставаться здесь, с баром. Я думаю, что все же останусь с баром. Пусть будет бар!

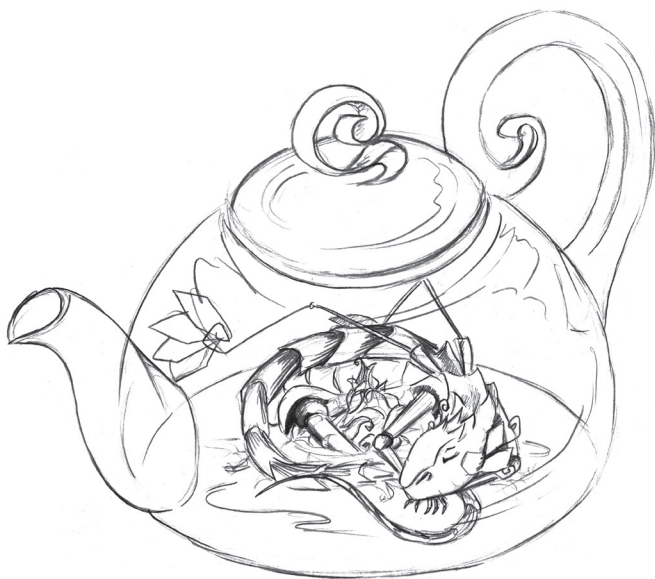
— Здесь не будет бара, мой родной, — доверительно сообщила мне госпожа Гейраанн, — здесь откроют модный салон женских платьев и чай подавать не станут, только игристое.

Я ощутил острый приступ экзистенциального страха, какой, наверно, испытывают перед прыжком в ледяную воду.

Воспользовавшись этой заминкой, госпожа Гейраанн аккуратно взяла меня в руки и бережно поставила на прилавок, показавшийся мне совсем пустым без милых крохотных разноцветных безе, обычно расположенных перед ликровой заводью, где расплачивались клиенты. И я, вместо того чтобы посмотреть на механоида, пришедшего за мной, порывисто оглянулся назад, на зияющие холодом глазницы витрин, еще недавно заполненные банками с ароматными чайными купажами.

— Холодно так за окном, но говорят, что если уж снег пошел, то станет полегче, — улыбнулась госпожа Гейраанн, обращаясь к кому-то поверх моей головы. — Знаешь, мы убрали еще не все машины: сделать тебе чаю в дорогу, милый?

— Да! — воскликнул я, потому что больше не мог находиться вне чая. Одновременно с этим я обернулся на своего нового нанимателя и молча лег на прилавок от слабости в лапах.

Лица его я не разглядел, как и не услышал ни его радостного согласия угоститься, ни смущенного лепета мастерицы Гейраанн, нахваливавшей мои деловые качества. Все это пролетело мимо меня, я даже с чувством мрачного узнавания смерил взглядом ужасный, гробоподобный термосберегающий стакан, в который мне скоро предстояло залезть.

А все потому, что на куртке пришедшего за мной паренька я увидел логотип стадиона и рядом — эмблему одной из довольно известных легкоатлетических команд, чьего витавшего то и дело на слуху названия я, само собою, не помнил.

Стадион! Мне дали третье, то, что, как говорят, «по судьбе», назначение в эту обитель бессмысленности и суеты. Где мне предстоит коротать часы своей жизни?

В грязной передвижной палатке для болельщиков, где мне придется насыщать чай в огромном бездонном, бездушном баке кипятка? В этой мерзкой, до чесотки мерзкой, кафешке, штурмуемой во время перерыва пьяной толпой, требующей себе неясный компот из перенасыщенной заварки, именуемой там чаем, чей некачественный заварной купаж будет забивать мои внутренние механизмы и нежные чешуйки? О, Сотворитель, я стану неухоженным, больным... я состарюсь на две сотни лет за один месяц — я слышал, слышал, как это бывает! Меня ждет гибель, мучительное, растянутое во времени умирание души, за которым последуют болезни тела и тоска души, черная, из какой невозможно вернуться.

Или... меня станут сдавать в аренду. Вот в эти вот стаканы-гробы, чтобы какая-то толстая барышня или слюнявый ребенок прихлебывали, пуская туда текущие на морозе сопли... Я скоро умру. Меня предали смерти.

— Эй, дружок, далеко ты собрался? — спросил меня, взяв в ладони, парень как раз в тот момент, когда, перебирая лапами изо всех сил и низко стелясь брюшком к столешнице, я уже почти добрался до края стойки. — Поверь, у тебя будет лучшее назначение на всей черной и белой земле!

Я рванул, сражаясь за жизнь, я укусил его, но в итоге все равно оказался внутри стакана. Я крикнул, еще в полете, что это похищение, что это противозаконно, что я буду жаловаться в Центр!

Но вот мгновение агонии прошло, и меня принял в свои объятия хранивший тепло родного кафе, насыщенный трогательными воспоминаниями о чередке мягких вечеров напитков, сделанный на прощание госпожой Гейраанн. С первым же вздохом я по привычке аккуратно

пропустил через себя чай с нежной, кроткой заботой и чопорной щепетильностью. Мои насытителные чешуйки по простой привычке движений, без моего внимания, а потому со стоящей выше моих истощенных душевных сил заботой обо мне самом нагрелись, вобрали в себя небольшую часть напитка и выпустили его назад, в стакан, словно приласкав этим мое последнее воспоминание о доме.

А потом я понял, что это в последний раз — этот чай вокруг, этот знакомый выбор воды и этот почерк мастерицы в прогреве стенок чашки: все уходит, все это невозвратно! Крышка-непроливайка надо мной закрылась.

И я заплакал, потому что больше не мог терпеть растущее отчаянье; потому что, оставшись в полной темноте, мог себе это позволить; и отчасти оттого, что входящая в моду зимняя чайная карамель еще не проникла на массовый рынок, а мне уже не терпелось попробовать насыщение с солеными полутонами.

Глава вторая: про чай

Наружу из термостакана меня позвали быстро, не прошло и получаса. Напиток к этому времени остался благодаря моей заботе совершенно неизменным, и испивающий его высоко бы оценил мое мастерство, если бы, конечно, этот самый испивающий хотя бы раз чай попробовал! Но паренек, для которого приготовили этот уникальный напиток, даже не пригубил. Пусть бы из праздного интереса. Это обижало и раздражало меня.

Когда я услышал сначала нестройный, не несущий в себе никакой информации стук по стенке, только со временем более-менее обозначившийся в мое имя, я лежал на дне стакана, добросовестно сложив лапы и выправив идущий по хребту гребень строго на северо-запад. Я, когда меня позвали, выполнил свои обязанности как следует, хотя и чувствовал, что действия эти бессмысленны. Впрочем, возможно, это была (с технической точки зрения) моя самая лучшая работа за всю жизнь, поскольку ни до, ни после этого ужасного вечера ни один напиток от приготовления до исчезновения не остался в

своим совершенно — до сотой доли градуса, до десятой единицы насыщенности — неизменном виде.

Итак, после того, как меня позвали, а крышку, вопреки технологии использования термосберегающих стаканов, открыли полностью, я послушно вскарабкался по стенке вверх и вынул из чая голову, уповая на то, что горячий напиток сбережет меня от любых термических повреждений шкуры. Кстати, я совершенно, совершенно не мог полагаться на то, что там, на этом новом, чуждом мне назначении найдется хоть кто-то, кто позаботится о моих нежных внутренних механизмах, требующих частых технических обслуживаний.

— Вы... видели когда-нибудь снег? — спросил меня экзальтированный юноша.

— Почему вы не пьете чай? — строго спросил я его, сверкнув при этом глазами, и злился я вовсе не в шутку.

— Ну, я... — замялся молодой механоид и далее, вследствие сказанных им слов, исчез из моей жизни, перестал быть мною воспринимаем, приравнял себя к пустому месту, ведь шедевр госпожи Гейраанн он воспринимал исключительно как спецжидкость для транспортировки меня, а все потому, что... Он. Не любил. Чай!

— Вы... что, вы не любите чай? — переспросил я, не вполне веря ушам.

— Наверное, не в той степени, чтобы вы оставались довольны, однако я все равно хотел бы... — он запнулся о мой ставший совершенно ледяным взгляд, но преодолел это мимолетное оцепенение, отдав знак внимания в сторону чего-то за мой спиной, — показать ваш новый дом. Я часто прихожу сюда, чтобы посмотреть на стадион с высоты. Это удивительное зрелище, потому что стадион очень красивый.

Я вздохнул, повернул устало голову и подобрался к другой стенке стакана, только чтобы сделать вид, что оценил это бестолковое здание. Юноша замолчал. Я направил взгляд туда, вниз по холму, на залитый ночными огнями город и... я мог вернуться? К работе? Мог ли я теперь?..

Итак, перед моими глазами предстал стадион. Огромный и дурацкий овал, мрачно нахохлившись, громоздился посреди равнинной части города. Блямба, нарушавшая собой идеальный пейзаж, составленный ладными ровными восьмиугольниками жилых домов. Какой бы красивый получился пейзаж из аккуратных оранжевых крыш и верховых магистралей без этой дурынды в центре!

— ...И вот я подумал: а вдруг вы никогда раньше не видели вблизи снег, — выразил бессмысленную мысль юноша.

Я сообщил ему:

— Видел.

— Я понимаю, что сейчас вам неудобно и даже, возможно, неприятно думать о вашем новом назначении по работе, но не стоит беспокоиться: судьба ваша у нас сложится как нельзя лучше, и вы бесконечно полюбите девушку, на чье благо мы наши совместные усилия и соединим.

— Так, давайте отсюда подробнее, — я обернулся на него, оставляя вне поля зрения убогое зрелище нарушенной городской архитектуры. — Меня купил не стадион?

— Нет, — ответил молодой механоид почти смущенно, — у вас назначение ко мне лично.

— Что? — не полностью осознал я соль злой иронии. — Ты купил целого чайного дракончика себе одному?!

— Ну не совсем одному, но в целом, с точки зрения Центра, да, — озвучил этот непонятный молодой механоид какую-то феерическую фантазмагорию.

Я присмотрелся к нему и уточнил:

— Да ты хоть представляешь, сколько это может стоить?

— Ну... почему «представляю»? Я точно могу сказать, я же уже четыре месяца ничего не ел, — сказал парень, отдав мне знак неопределенности, а потом добавил, видимо, чтобы я за него не волновался: — Ну, в смысле из еды не ел.

Я зловеще сузил глаза и низким, граничащим с рыком голосом сказал:

— Угол восемьдесят третьей и двести тридцать второй улиц, второй этаж, вход с двести тридцать второй напрямую.

— Но я не планировал... — глуповато начал отказываться он, и я, прежде чем нырнуть назад на дно вытянутого, словно изображавшего из себя морскую впадину, термостакана, приказал:

— И пей по дороге чай!

До места мы добрались недолго. Мой странный и, нужно думать, здорово похудевший за последнее время, если судить по одежде, наниматель доверительно выпустил меня, наклонив стакан, чье содержимое этот недоумок, само собой так и не выпив, предварительно аккуратненько вылил в раковину.

Я выбрался, убедился, что нахожусь в интерьерах одного из самых моих любимых заведений «Об алом и аромате», и успокоено выдохнул: мне нравилась здешняя атмосфера, и если уж пытаться в моей ситуации обрести твердую почву под лапами, то начинать следовало именно отсюда.

Обставлено, нужно признаться, здесь было довольно бедненько, что иногда отпугивало посетителей: стены так

и остались от прошлого рюшечного кафе в салатových с белым моющихся обоях в мелкую вертикальную полосочку, которая то тут, то там прерывалась медальонами с изображениями воздушных шаров, дирижаблей, атласных лент и дамских шляпок. Помешанный на санитарии хозяин содержал эти умильные картины в сияющей чистоте, и потому те выглядели в соседстве с брутальными столами, чьи рифленые металлические столешницы имитировали пол какого-нибудь металлургического завода, потрясающе неуместно. Столы, к слову, хозяину нравились и, как сейчас помню, влетели в немаленькую сумму.

Сейчас, празднуя нежную поступь восходящей в зенит зимы, по стенам, скорее оттеняя полумрак, чем разгоняя, горели разномастные, непонятно к чему — к мебели или стенам — подобранные светильнички с газовыми рожками. Они пытались чувствовать сонную негу морозных вечеров красными, зелеными, фиолетовыми ореолами света, исходящего от цветного стекла абажуров. Трубы, подводящие к ним газ, отчаянно стараясь спасти гармонию зала истовым сочетанием со столами, тянулись прямо по внешней стене, слегка скрадывая обои. Однако, разглядев убранство стен всего однажды, забыть о нежных беленьких солнышках, облачках и ленточках было уже решительно невозможно, они навсегда отпечатывались в сознании. Я ругал эту бессмысленную эклектику вслух, нежно о ней вспоминая в одиночестве.

— А зачем мы здесь? — спросил юноша.

Я сообщил резким тоном:

— Поесть.

— Но у меня...

— Смотрите, кого мы здесь видим! — воскликнула хозяйка зала.

Я приветливо, если не радостно расправил гребень, повел длинными усами и подался к ней, пробежав по тронутой декоративной суровой ржавчиной поверхности стола:

— Добрый вечер, госпожа Аннайранн, здесь мастер Вайерр?

— Ага! Я позову сейчас. Что подать с кухни, пока вы ждете?

— Чего-нибудь посытнее тому бледному юноше за мой счет, пожалуйста, и на нас всех — чайничек «Золотого восхода» с последней в том году отправки из Седого Неба.

— А он еще не пришел, — грустно надув губки, расстроила меня молодая хозяйка. — Выберите из прошлой поставки. Все еще осталось «Хождение за Луну» из Шепота-на-Плетистой, вторая отправка прошлого года. Ну, как вам?

— Ладно, — разрешил я. — А что, скажи, старик Вайерр так распустил свое пузо, что теперь можно успеть поесть, пока он пытается протиснуться между стеной и столом в своем кабинете?

— Вы о моем начальстве лишнего не придумывайте, — улыбнулась хозяйюшка, отдала нам игривый знак скорого свидания и удалилась передавать на кухню заказ.

— У вас есть здесь счет? — спросил меня юноша, как только она повернулась к нам обоим спиной.

— У здешнего владельца ко мне неоплатный долг. Без меня он бы давно разорился.

Мой новый хозяин открыл уже рот, чтобы спросить опять какую-нибудь глупость, но к нам успел подойти Вайерр собственной персоной, ну, точнее, сначала подошел собственной персоной его необъятный живот, и

только уже потом — он сам. Его широкие, хотя далеко не из-за мышечной массы, плечи скрыли от меня вид на вечно закрытую дверь — еще один памятник здешней мешанины в интерьерах: она вела в неарендуемое Вайерром помещение, потому он не имел права менять ее, канцелярскую и неуместную каким-то совершенно иным, по сравнению с обоями, третьим типом неуместности.

— И кто это тут ко мне пожаловал? — радушно спросил хозяин, даже не заметив присмирившего паренька. — Неужели мой невообразимо дорогой консультант?

— Ты знаешь, что платишь мне всего треть от того, сколько бы следовало, найми ты меня здесь на назначение, — напомнил ему я, вскарабкавшись на верх лежащего на столе стакана и степенно сложив на нем лапы. — Ты ведь осведомлен, что мое прежнее место работы закрылось и я оказался на свободном рынке труда?

— Конечно, я осведомлен, что город больше не расширяется и помещения становятся все дороже и дороже, — ответил владелец заведения, — но, знаешь ли, у меня тут мясной ресторан, а не чайня, так что дракончик заведению не по карману...

— Мясной? — переспросил юноша, уставившись мимо обрамленной донельзя жидкими кудрями головы мастера Вайерра на трогательно плывшие в салатных вензелях дирижабли. — Здесь подают органическое мясо?! Что, настоящее?

— Вот, учись, — сказал я, с важным видом отдав знак внимания в сторону паренька, которому как раз подали что-то из приготовленных на живом огне, а значит, тающих на языке блюд, составлявших настоящую

гордость толстяка-мастера, — как нужно распоряжаться деньгами: этот милovidный юноша, кроме нюха на верные денежные вложения не обладающий никакими иными талантами или преимуществами, потратил все свои сбережения и зарплатные кредиты года на полтора...

— На три! — поправил меня, чуть при этом не поперхнувшись, объект моих восхвалений.

— На три года, — торжественно продолжил я, — во имя того, чтобы приобрести контракт вашего покорного повествователя и как следует заняться познанием науки чая, коя, безо всяких сомнений, выведет его из нищеты вкуса и мрака стадионных подтрибун к сиянию прекрасного, отличной карьере и успеху в женском обществе.

— Малыш, — попытался проникнуть умом в ситуацию Вайерр, — ты что, действительно потратил все свои деньги и влез в долги, чтобы купить профессионального чайного дракончика?

— У-у, — ответил тот, даже не подняв головы от тарелки.

— Тут, к слову, очень серьезная ситуация. И ее надо обдумать на все три головы, — подытожил я, вводя хозяина мясного дома во вторую часть своего рассказа. — Дело в том, что речь во всей этой несколько необычной истории идет о внимании некой особы...

— Вот как, малыш? И кто она? — любопытствовал Вайерр, как только мой новый хозяин проглотил последний кусок с тарелки.

— Ну, — начал повествовать юноша, — она со стадиона.

— Пилот, наверное? — сразу пустился в расспросы толстяк. — Гонки?

— Да, своего рода...

— Ясно, — переключил я снова внимание на себя, — она имеет исключительный вкус на чай.

— Вообще-то, я купил вас не для того, чтобы насыщать чай, — разговорился отогревшийся и разомлевший от душевного тепла и еды парень и пустился в объяснения, от которых у меня перед глазами расцвели и заплясали нервные мурашки: — Речь идет о специфическом насыщении пустой маслянистой ликры...

Дальше я не услышал, так как, кажется, потерял сознание.

Глава третья: про чай

Никакого чувства новизны я по пути до нашего с пареньком жилья не ощущал. Но не потому, что я часто бывал в этой части города, и не потому, что я не волновался, а по одной той причине, что я вообще перестал что-либо чувствовать с тех пор, как мне дали понять, что в ближайшее время (а когда найдется для меня новое назначение, никто точно не знал, и это могло оказаться вопросом нескольких месяцев) мне не удастся погрузиться в чай.

Да ладно бы речь шла только о самом погружении. Ведь что собой представляет, по сути, сам чайный напиток? Да сущую мелочь! Ничто! Чайный напиток — это... просто заваренный с должной степенью перфекционизма в деталях экстракт небесной благодати, олицетворения смысла жизни и вкуса к ней. А это в контексте чая как явления лишь малая доля его естества.

Нет, я не так уж и сильно переживал, что мне еще долго не удастся погрузиться на дно бульотки. Дело тут крылось глубже. Чай для чайного дракончика — это не жизнь и уж тем более не образ жизни. Чай — это

бесконечная канва времени, это река-судьба, где мы беспрерывно существуем и вне которой нас нет. Это связь времен и связь поколений, притом не какая-то там жиденькая связь вроде кровного родства или интеллектуального наставничества, о нет...

Это сложная философская, имеющая множество и множество взаимоперетекающих смыслов, глубоких культурных кодов, огромных социальных значений и поведенческих паттернов система! Это целый мир под поверхностью вашей кружки, и мир не примитивный — это высший мир, утонченный и искренний, полная величия и мудрости вселенная подлинных чувств! Не существуют вне чая чайные дракончики! Никак! Потому что жизнь — это чай! Не «как чай», а чай! Сам чай — это жизнь! И иначе никак и никогда быть не может!

А этот отказавшийся от зарплаты идиот не умеет пить чай! А значит, он не умеет жить! Все. Точка. Если я его вдруг убью, то меня не посадят, а если посадят, то отправят на каторгу, а если на каторгу, то там мне придется работать, а если работать, то по профессии, а раз по профессии — значит, восстановлю верный порядок вещей.

Задержавшись на последней мысли со сладким расслаблением перенесенной агрессии, я успокоенно выдохнул, улыбнулся сам себе и попытался понять, где я.

Оглядевшись, я понял, что паренек несет меня по казавшемуся бесконечным в оба направления коридору, пролежавшему под стадионом. Очень скоро мы свернули в неприметное темное ответвление по другую сторону от выхода к арене, потом свернули еще раз и еще (я уже на этом совершенно запутался) и под конец неисчислимых петляний добрались до маленькой и тесной комнатуш-

ки, в точности похожей на ту, что я себе представлял, думая о месте ночлега своего нового приобретателя.

Открыв дверь и еле-еле запалив газовый рожок, молодой механоид отпустил меня на рабочий стол, заваленный всяким хламом — железяками неизвестного назначения и клочками бумаг, создававшими на небольшом пространстве столешницы хаотическую мешанину.

Я, боясь приклеиться к чернильным пятнам или что-нибудь подцепить, стоял не двигаясь, внимательно следя за тем, как юноша снимает уличную куртку, плюхнувшись на кровать. Узкая, заправленная ветхой зеленоватой рогожкой, та занимала почти все свободное место, так что переместиться, не присев на нее, было невозможно механоиду любых габаритов, а великан вроде Вайерра тут бы застрял и не выбрался наружу, предварительно вдвое не похудев.

— И чем мы займемся? — осторожно осведомился я, даже не зная, на какой ответ надеюсь.

— Ну, — добродушно начал парень, задрвав голову и выловив из вороха висящей над головой разномастной одежды местную спецовку, — обычно я занят весь день, но иногда бывают выходные. Они достаточно редкие, так что завтра с утра разработаем план, и по нему каждый будет работать независимо — на случай, если мы вообще не будем встречаться, — посмотрев на меня и подумав, он решил пояснить: — Не будем встречаться, пока бодрствуем.

— Ты меня кинешь в чан с отвратительным ликровым маслом прямо сейчас? — поинтересовался я холодно.

— Я бы не стал именно так это описывать, но в целом — зачем откладывать, — улыбнулся парень, поставил на

стол какую-то банку с чем-то непонятно-механическим, запертым внутри, открутил широкую толстую крышку и осторожно взял меня в руки. — Там все просто: прикрепите ликровым клапаном и произведите ликрообмен. Нужен просто образец вашей ликры.

И дальше, не успев я пискнуть и слово протеста (хотя, возможно, успел, однако тот так и остался неслышанным), юноша опустил меня внутрь и банку закрыл.

Следующие несколько десятков секунд растянулись чуть ли не в часы кошмара, в течение которых механические конечности неясного существа, вдвое, а то и втрое превосходившие ширину моего тела, пытались меня раздавить о толстые стенки мутного стекла.

Я кричал, я совершенно не понимал, что происходит, и даже не пытался выполнить никакого ликрообмена. Единственное, на чем я оказался сосредоточен, это спасение собственной жизни, и скоро мне удалось подняться наверх, чудом уйдя от очередной атаки механического чудовища, из-за которой банка треснула, потом треснула еще больше, и на этом, когда пустая ликра из нее полилась, безрассудный мальчишка наконец снова открыл крышку и меня выловил. Я тут же его укусил.

— Ай! — вскрикнул он и встретился ошарашенным взглядом с моим, ничуть наверняка не отличавшимся, и, кажется, только сейчас понял, какое чудовищное сотворил надо мной насилие.

В этот момент банка окончательно раскололась, нечто жуткое выпало из нее и исчезло под столом, и юноша, поспешно положив меня на столешницу, нырнул под стол за ним.

— Я убираюсь отсюда! Немедленно! — крикнул я, выискивая глазами ближайшую ликровую заводь, но не находя.

— Извините, — донеслось до меня снизу, — ему очень опасно находиться без ликры, так что я должен... должен... его поймать...

И поскольку с этими словами паренек мистическим образом растворился в подкроватном пространстве, высказать ему все, что желал, я не смог и вынужденно сосредоточился на том, чтобы успокоиться.

Как скоро он снова появился в поле моего зрения, я затрудняюсь сказать, поскольку думал лишь о только что пережитом ужасе.

— Второй шанс! — почти крикнул юноша, отдав знак глубочайшего извинения, как только вынырнул, и неподдельный отчаянный ужас в его глазах немного отрезвил и успокоил меня. — Второй шанс, я умоляю! Я ошибся, я не подумал, такого больше не повторится, клянусь!

— Я... что... что это было, вообще? Что это, будь ты проклят, сейчас было?! — выкрикнул я сипловато и оттого полуголосно (если оставить в стороне серьезность действительно грозившей мне опасности).

— Насытитель. Я думал, что вы быстренько насытите насытитель, и тот насытит ликру...

— Он оказался против насыщения, этот твой насытитель! Ты это понимаешь?!

— Да, я... я не подумал, что он может так агрессивно вас воспринять, я думал, что он вас ждет! Я умоляю, — юноша примирительно опустил руки, — я умоляю вас, останьтесь хотя бы на ночь.

Я открыл рот, чтобы отказать, но тут у меня перед глазами встала яркая мысль о собственном кафе. Работа не по прямому назначению обычно оплачивается в большем размере. И если я немного потерплю, буквально

месяц всего или несколько дней, то отложу довольно много. Конечно, я не прямо так рассудил в тот момент, а только уставился мысленным взором на вымечтанную картину, взывавшую ко мне о собственном воплощении. И я не смог от нее отвернуться. Я выдохнул.

— И ты гарантируешь обращение по инструкции? — осторожно спросил я.

— Ну конечно! — просиял парень. — Мы славно с вами здесь поживем, будьте покойны! Но а сейчас, я думаю, вам хочется познакомиться с той самой девушкой. Давайте?

— С твоей зазновой? Ну... давай, — повел я усами, чувствуя, как уходит от души напряжение.

Парень неожиданно тепло улыбнулся:

— Вам здесь все, конечно же, чуждо, и не удивлюсь, если противно, но я хочу, чтобы вы знали: вас очень ждали, вы очень и очень нужны. И вполне возможно, что это будет самое особенное назначение в вашей карьере.

— Не исключено, — согласился я, разумея в этом, конечно, только грустный подтекст.

На этом мой новый хозяин торопливо сгреб меня в ладони и, погасив и так едва зажженную лампу, одним движением покинул свою конуру. Нашу конуру. И ведь я туда сегодня еще вернусь. О, Сотворитель...

Мы выбрались на вечерний холод, вынырнув в огромные пространства пустующих подтрибунных помещений, и тихонечко подошли к перилам. Внизу, стремительно оставляя позади бесконечные, замкнутые в одно кольцо боли и преодоления метры стадионной беговой дорожки, отсчитывала круги единственная спортсменка. Ну я, конечно, надеялся на пилота, но какая,

в сущности, разница, кого именно нам предстоит поко-
рять, главное ведь сам процесс налаживания отношений:
эти случайные встречи, горячие взгляды, романтическая
ночь, ставшая венцом прогулки морозным вечером, не-
лепые ситуации, первые прикосновения... словом, все
то, что позволяет нам объяснять самую (в действитель-
ности, необъяснимую) глубину терзающего наши сердца
чувства.

Но тут, сразу следует сказать, дело предстояло не-
простое. Даже отсюда, даже в скудном освещении по-
лусонного стадиона, даже несмотря на плотную и да-
леко не нарядную одежду для спортивных занятий, в
которую облачилась госпожа нашего сердца, словом,
вообще несмотря на все мешающие объективному вос-
приятию обстоятельства, явствовало, что дело у нас —
труба.

Точеная фигурка девушки выглядела идеально, за-
плетенная туго, без всяких уловок, добавляющих воло-
сам густоты и длины, светло-русовая коса, раньше, види-
мо, свернутая в кичку, распустилась и теперь болталась,
небрежно чиркая хвостиком чуть ниже поясицы на
каждом шагу. Механические ноги сверкали строгой эсте-
тической легкостью спортивных протезов — стоимостью
каждый как средненький паровоз.

Я не мог отсюда разглядеть лицо бегуньи, но даже
если бы оно оказалось настолько же омерзительно, на-
сколько прекрасно было все остальное, для того, чтобы
начать отношения, имея наши исходные данные, о чае,
наверное, нужно знать чуть больше, чем все. Я призаду-
мался.

— Это Кейрра, — с мечтательной добротой в голосе
представил паренек объект своих вздыханий.

— Ну... она хороша, — похвалил я наконец его вкус.

— Она чудесна! Она самая добрая и самая удивительная. Она вам сразу понравится, — улыбнулся мой новый хозяин.

Едва произнеся это, он бросился бегом вниз, свернув пару раз на ступеньках, ведших на нижний ярус трибун, потом проделал какой-то сложный фортель, проскользнув, как мне показалось, и вовсе через подземный этаж, и вынырнул из мрачного подземелья уже у края беговой дорожки.

Девушка как раз пронеслась перед нами, и я еле успел проводить ее поворотом головы, поскольку за то время, пока мы спускались, она здорово разогналась. Я теперь с трудом представлял, как юноша собирается нас познакомить, потому что остановить такое, просто сказав «привет», представлялось делом безнадежным.

Однако молодой механоид, даже не поведя бровью в момент приближения красотки, пересек беговую дорожку поперек и в довольно скучной манере потрусил по антитравматичному покрытию основной части стадиона, предназначенной для командных игр. Озадаченный его маневром, я принялся крутить головой, пытаясь рассмотреть установленный тренерский островок или другое место, откуда принято просить летящего спортсмена прервать тренировку.

Но вот мы перебрались через поле, форсировали беговую дорожку еще раз, и я, следуя за радостным знаком внимания юноши, наконец разглядел цель нашего похода: в темноте укромного кармашка под трибунами оказалась оборудована зона со странными тренажерами, больше напоминавшими комплекс для реабилитации спортсменов после травм.

Там угловато и грузно, мелкими движениями перебирая руками по параллельным перилам и еле подтягивая неестественно сведенные ноги, двигалась не по погоде тепло одетая девушка с некрасивым лицом. Нос выдавался приплюснутым мячиком, огромные карие, почти черные, глаза немного косили. Переносица и щеки были так густо усыпаны темными веснушками, что мне сначала показалось, что у нее на лице крупно перфорированная вуаль. Волосы, похоже оставшиеся этим утром невымытыми, выбились из-под шапки и торчали во все стороны.

— Ну вот, — улыбнулся мой странный приобретатель, осторожно показав меня ей на ладонях, а затем устроив у себя на плече, — вот, это наш новый член команды. Господин чайный дракончик, это Кейрра, вы будете для нее работать. Она большой молодец.

— Здравствуйте, — улыбнулась мне девушка, задав своими зубами арифметическую задачку о стоимости выравнивания.

— Эй, рада тебя видеть, — послышался вместе с легким дуновением холодного ветерка голос остановившейся рядом спортсменки. Красавица, посмотрев на моего дурачка с некой долей робкой надежды, спросила: — У тебя ведь сегодня выходной? Может, ты хочешь перекусить или...

— Нет, я занят сегодня, извини, — быстро и не сказать чтобы ласково сломал мою стройную картину мира паренек и, не удостоив вниманием еще немного задержавшуюся рядом прелестницу (у которой, к слову, прекрасными оказались и лицо, и голосок), горячо обратился ко мне: — Ваша задача будет заключаться в насыщении ликры для Кейрры особым способом для того,

чтобы ей помочь. Мы будем пробовать, пока у нас не получится.

— Что?! — мгновенно отрезвев, я даже подался назад. — Так, детишки, я не хочу вас расстраивать, но чайные дракончики не предусмотрены для насыщения ликры для других живых существ, и присоединение клапаном к механоиду может оставить меня без чайного признака! Это тянет на...

— Я знаю, — поспешно перебил меня юноша, но я еще поспешнее перебил его:

— Понимаю, ты влюбился, со всеми бывает, но у нее же генетический порок! Даже силой любви это никак не лечится! Никогда!

— Я знаю, — повторил молодой механоид, а я от этой странной нервирующей ситуации расправил свои декоративные крылья, пытаюсь в порядке самозащиты выглядеть внушительней:

— Я доложу обо всем в Центр! Меня отнимут, а тебя накажут!

Парень захотел взять меня в руки, но я не дался, вовремя растопырив гребень воротника и вздыбив хребтовый.

— Но вы даже не знаете, в чем дело! — неловко повернув голову и скосив глаза, чтобы меня видеть, попытался оправдаться паренек, и в этом спорить я с ним не стал:

— Да! Именно! Я ничего о тебе не знаю!

— Так я же хочу о себе рассказать!

— Я даже имени твоего не знаю!

— Я вам представляюсь!

— Но это ничего не изменит!

— Тогда почему вы из-за этого на меня кричите?!

Не найдясь с ответом немедленно, я выдохнул и вынужденно попробовал начать разговор заново:

— Дружок, просто верни меня с этого парада абсурда назад, в мой мир! В нормальный мир нормальных механоидов, которые нормально пьют хороший нормальный чай! Верни, пока никто не пострадал, и я обещаю — я никому не скажу о том, что ты хотел со мной сделать!

— Успокойтесь, вы выглядите смешно, — резко осадил меня низкий женский голос, явно принадлежащий голему.

Я обернулся на звук и увидел чайную драконицу, величаво выскользнувшую из-под воротника залившейся краской и трясущейся от страха и стыда дурнушки. Драконица расправила декоративные шейные крылышки, интонационно припечатав меня: